

«Киностудия должна перестать быть местом, где можно купить шубу»

← Начало на стр. 1

— Про статус ясно. Но появляется следующий вопрос: из чего сегодня образуется бюджет Свердловской киностудии? Это федеральная поддержка?

— Киностудия не финансируется государством. Это автономная организация, и в уставе написано: «Извлечение прибыли из деятельности». По большому счету это мы должны зарабатывать деньги государству. Но актив Свердловской киностудии сейчас в таком состоянии, что профильной деятельностью она пока зарабатывать не может. Доля аренды в доходах киностудии — по-прежнему больше 80 процентов. Прибыль от аренды уходит на то, чтобы обслуживать имуществомный комплекс. И в лизинг камеры мы взяли за счет собственных средств, и зарплату платим тоже за счет собственных средств.

Если мы говорим про пополнение основных фондов, то это могут быть целевые деньги на приобретение оборудования, приведение в порядок павильонов. То же самое происходит с другими киностудиями, которые существуют в тех же организационно-правовых формах. Я надеюсь, что до нас дойдет очередь, и с точки зрения финансовой поддержки мы тоже будем включены в эту орбиту федеральных киностудий.

Но мы и сами не будем сидеть на месте, уже начинаем переговоры с региональным бизнесом. Ведь кинопроизводящая деятельность только начинается, а производственный цикл одной игровой полнометражной картины — примерно три года. Конкурс с фильмом «Сломя голову» мы выиграли прошлым летом, этой осенью снимаем, а выйдет картина в лучшем случае весной следующего года. Получается, только через три года она начнет приносить какие-то плоды, это игра долговая.

Нам, с одной стороны, нужно вводить молодых специалистов, а с другой — зарабатывать. Это сложно, надеюсь, мы все-таки реализуем наш план досрочного развития, используя систему рибейтов, контакты с платформами. Плюс ко всему, я думаю, что мы и коммерческой деятельностью будем заниматься, снимать рекламу и клипы. Нам ведь никто не запрещает это делать.

«Система рибейтов» нужна в каждом регионе УрФО

— Свой первый игровой полнометражный фильм вы снимали в селе Кын. Насколько понимаем, выбор места как раз был связан с тем, что в Перми уже успешно работала система рибейтов?

— Я бы сказал, что не только из-за этого, — любая другая область проиграла бы, потому что в ней нет именно этого села. Но изначально Пермский край был выбран из-за рибей-

Евгений Григорьев снимал свою первую игровую картину в Пермском крае

ДОСЬЕ

Евгений ГРИГОРЬЕВ

Родился 17 марта 1979 года в деревне Кошуки Свердловской области. Учился на журфаке УрГУ, работал на телевидении. Окончил ВГИК.

Режиссер десятка авторских кинокартин, рекламных и социальных роликов, видеоклипов, режиссер театра, сценарист. Вице-президент Гильдии неигрового кино и телевидения России (2013–2016).

В 2001 году основал кинокомпанию Документальный дом «Первое Кино».

Избранная фильмография: «Подельники», «ХЕНД МЕЙД», «Про рок», «Напротив Левого берега», «Битва за Украину», «И ты, Брут», трилогия «Завещание», «Московские каникулы. Home video», «Леха Online».

Награды: ТЭФИ, «Кинотавр», «Триумф», «Золотой абрикос», «Россия», «Послание к человеку» и другие.

тов, ведь мы понимали, что сможем вернуть часть затрат. Иначе бы продюсеры мне сказали: «Кын, конечно, прекрасен. Но снимать будешь в Ярославской области, потому что это дешевле. И все».

Система рибейтов, мне кажется, нужна каждому региону в Урале. Киностудия федерального округа. Она позволит съемочной группе базироваться, например, в Екатеринбурге и снимать сразу в шести субъектах РФ. И где бы группа ни работала, вложившись в экономику региона, она сможет вернуть часть средств. Это очень привлекательно для обеих сторон.

— Киностудия выступила инициатором создания в Свердловской области кинокомиссии и системы рибейтов. Как скоро все это заработает?

— Знаю, что уже готов регламент. Надеюсь, совсем скоро работа будет запущена. Важно понимать, что киноко-

миссия — это не просто кешбек за потраченное, это — ежедневная работа на местах. Например, когда в Перми состоялся конкурс, уже через 20 минут мне позвонил Павел Печенкин (гендиректор «Пермкин», член кинокомиссии Пермского края. — Прим. «ОГ») и сказал: «Приезжай, мы тебя тут встретим кинокомиссией. Найдем нужного человека, все будет хорошо...»

Представители кинокомиссии Свердловской области уже летали с нами на Балтийский культурный форум, чтобы познакомиться с кинокомиссией Калининграда, обменяться опытом. Летом на фестиваль «Одна шестая» к нам должен приехать министр культуры Калининграда Андрей Ермак и вместе с нашим министром культуры Светланой Учайкиной они расскажут, зачем все это нужно региону с точки зрения экономики, почему надо охотиться за проектами кинематографистов.

Я объясню, почему фестиваль дебютов необходим региону. Есть Пусанский кинофестиваль, и без него, я уверен, не было бы сейчас бума южнокорейского кино. Получается, что этот смотр вырастил корейское кино до «Оскара». Я не знаю, получится ли так же у нас — у корейцев на это ушло довольно много времени, лет двадцать, — но они занимались именно дебютным кино своего региона.

Мы на киностудии поняли, что самый древний бренд на Урале — это столкновение плит: европейской и азиатской. Самое место, чтобы сделать фестиваль, который будет встречать кинематографистов-дебютантов из Европы и Азии. В чем наш расчет? Если человек снял первую картину, то, скорее всего, он будет делать вторую. И возможно, кто-то из них будет снимать на Урале.

— Правильно понимаем, что как раз со следующим вашим фильмом «Сломя голову» вы хотите использовать систему рибейтов?

— Ну конечно, надо на себе все проверить: и рибейты, и работу кинокомиссии. Разведка боем. Тогда коллега уже смогу спокойно говорить: «Ребята, у нас все работает, я через это лично прошел». Понятно, что сразу все идеально не будет, но надо стремиться.

— И эту картину вы полностью хотите снимать в Екатеринбурге?

— Да. В июне-начале июля приедем отбирать локации, натур, объекты. Пойдем, будем ли строить декорации в павильонах или работать в жилых интерьерах.

По пути Пусана

— Летом же должен состояться I Международный фестиваль дебютов евразийского континента «Одна шестая». В Екатеринбурге много лет существует «Кинопроба». Не будут ли они пересекаться?

— Безусловно, это два принципиально разных фестиваля. «Кинопроба» — фестиваль учебных, студенческих работ. С большим удовольствием его в прошлом году посетил, посмотрел, как работает команда. Директор фестиваля Лилия Немченко, кстати, вручала нам приз за «Подельников» на «Кинотавре». Лилия Михайловна будет также программным директором «Одной шестой», а президентом — Алексей Федорченко.

Я объясню, почему фестиваль дебютов необходим региону. Есть Пусанский кинофестиваль, и без него, я уверен, не было бы сейчас бума южнокорейского кино. Получается, что этот смотр вырастил корейское кино до «Оскара». Я не знаю, получится ли так же у нас — у корейцев на это ушло довольно много времени, лет двадцать, — но они занимались именно дебютным кино своего региона.

Мы на киностудии поняли, что самый древний бренд на Урале — это столкновение плит: европейской и азиатской. Самое место, чтобы сделать фестиваль, который будет встречать кинематографистов-дебютантов из Европы и Азии. В чем наш расчет? Если человек снял первую картину, то, скорее всего, он будет делать вторую. И возможно, кто-то из них будет снимать на Урале.

— В программу «Одной шестой» войдут отечественные игровые и документальные картины?

— Заявки ожидаем со всей России, а также из ближнего зарубежья, Сербии, Греции, Индии, Ирана, Китая и других стран. Также на фестивале обязательно будут работать деловая площадка, профильные лаборатории. Очевидно, что кинематографически развитый регион без большого индустриального события не мыслим. Это способ открытия нашей области для других. Знаете, некоторые московские продюсеры меня спрашивают: «А Иркутск дальше или ближе Екатеринбург?» Чтобы вы понимали уровень знания географии некоторых современных кинематографистами. Надо как-то менять ситуацию. «Одна шестая» — прекрасный способ завязать о регионе.

«Преференций или бюджета нет. Должны доказывать, что можем»

— Насколько понимаем, у киностудии появился производственный план. Что делается на данный момент, какие фильмы ждать в ближайшем будущем?

— У нас в работе две полнометражные документальные картины, одна игровая, несколько проектов мы подали на конкурс, чтобы получить финансирование министерства культуры. Среди них — два дебюта, одна заявка на авторское кино. Но у нас нет никаких преференций или бюджета. Мы должны каждый раз доказывать, что можем снимать хорошее кино.

Также работаем над проектом про Уральский добровольческий танковый корпус, готовимся к производству документального фильма о писателе Владиславе Крашвинце, уже нашли режиссера.

Очень хотим организовать курсы для артистов театров. Мы столкнулись с тем, что московские кастинг-директоры и режиссеры, да даже наши местные режиссеры практически не знают региональных артистов. Второй момент: далеко не все актеры умеют существовать в кинокадре. Понимаете, это совсем другие скилы. Но при наличии актерского аппарата на воркшопах этому учат. В Китае, в Европе — везде. У нас тоже программа собрана, осталось найти деньги. Будем в начале июня пытаться выиграть конкурс на поддержку проекта.

Пётр КАБАНОВ,
Наталья ШАДРИНА

«ТО, ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ, МОГУТ ТОЛЬКО ДЕБЮТАНТЫ»

Три главных вопроса: кто убил Кеннеди, Лору Палмер и Витю Людоода

В кинотеатрах продолжается показ дебютной игровой картины Евгения Григорьева «Подельники». Это история про уральскую глубинку, где мальчик хочет отомстить за убийство отца. И все вокруг знают, кто реальный преступник, но молчат. «Подельников» представляли в основной программе 32-го «Кинотавра», где исполнителем главной роли — Павлу ДЕРЕВЯНКО — присудили приз за лучшую мужскую роль.

— Евгений, в игровом кино вы — дебютант. Следовательно, и такой зрительский интерес испытываете впервые.

— Вы правы, мои картины до этого не смотрели так много людей одновременно. Некоторые говорят, что неигровое кино — гетто кинематографа. А я считаю, что это элитарный клуб. И в этом элитарном клубе было, конечно, меньше зрителей. «Подельников» же посмотрело больше 50 000 человек. Поэтому в какой-то степени такой интерес действительно в новинку.

— И как себя ощущаете?

— Так же. Я кино занимаюсь давно. А до этого занимался журналистикой, вел программу «Уральское времячко». Меня показывали по телевизору 192 раза в неделю во время рекламных пауз, поэтому я довольно быстро стал телезвездой. И понял, как это делается и чего стоит. Что касается отпки, то свой первый большой приз я получил тоже на «Кинотавре», в 2002 году — за неигровую картину «Леха online». И вопросы тщеславия, звездной болезни уже тогда были купированы. Конечно, 20 лет назад не было социальных сетей, а сейчас у меня взорвался «директ». Пишут со всей страны, из ближнего зарубежья, — отовсюду, где идет картина. Спрашивают: «Кто все-таки убил Людоода?» Присылают баллистические разборы, анализ сцены. Это удивительно. Раньше гадали, кто убил Лору Палмер, а теперь — кто Витю Людоода.

— И кто его все-таки убил?

— Не знаю (смеется). Мой оператор уверен, что убили бабушки. Они могли взять оружие, ведь все равно им после 70 лет ничего не грозит. Это шутка, конечно. Важно, что эта загадка оставляет пространство для зрительских размышлений. Ведь главное случается не на съемочной площадке, а в зрительном зале. Подобные вещи включают различные реакции: кто, почему, зачем. Заставляют задуматься, у кого какая нравственная система координат.

«Такого не было в Перми 15 лет — от минус 25 до минус 44»

— Давайте поговорим про ваш творческий метод. Делали вы картину с полным погружением. Поехали в экспедицию в Пермский край, жили там, снимали. Получается, что в игровом кино подход к процессу у вас остался вполне документальным?

— Это погружение, конечно. Пашу Деревянку мы утвердили под Новый год. Юра Борисова и Лизу Янковскую — еще в ноябре. Мы собрались и поехали с ними в Кын — на место съемок. Есть такой этап как «прешутинг». Это предварительные съемки, когда еще нет костюмов, всего оборудования, реквизита, техники и так далее. «Прешутинг» редко делают, но как дебютант и продюсер картины я настоял, чтобы он был. Мы сняли несколько сцен на простой фотоаппарат и посмотрели, как все это будет работать. Три дня были в Кын, читали сценарий, уточняли его, разбирались. В феврале уже приехали на съемки. Паша был все время в одежде своего героя, ходил на рыбалку. Можно сказать, жил жизнью Вити Людоода.

Между этими этапами был очень длинный кастинг детей: мы посмотрели больше 500 ребят. Мы приехали в маленькое, но самые важные очаги культуры — Дома культуры. В очередной раз я убедился, насколько они важны. Это очаг тепла, гуманистических идей. Там мы встречались с детьми и отобрали двоих ребят. Ярослава — главного героя — правда, встретили не там, а случайно нашли в кафе в Лысьве. А про сам метод я очень боялся, что на экране будет много художественной неправды. И мы с этим работали. Почти все животные сняты документальной камерой. Например, Андрей Ветошкин, который прошел нашу лабораторию «Код города» в Первоуральске, снял все сцены наблюдения через бинокль. Он получал у утра задание и уходил на киноохоту. Да и как снимать животных не документально? Синицы не поддаются дрессировке. Как было заставить птицу сесть на голову? Никак.

— И условия самые реальные. Видно, например, когда актерам холодно.

— Вы понимаете, то, что мы сделали, могут только дебютанты. У Паши Деревянка был драматический дебют, у меня — игровой. Все были готовы к тогтам и лишениям. Правда, не знали, что будет настолько серьезно: например, что температура будет аномально низкой за 15 лет, и на улице будет минус 44, когда объективы замерзают. Работали по 18 часов, я уехал со съемок в госпиталь для ветеранов войн с давлением 210. Ну ничего, выжили. Правда, сейчас, если открываю сценарий, и там написано: «Белым-белым, делет поземка...» — сразу закрываю (смеется).

«Мне не хотелось делать картонное зло»

— У Павла Деревянку удивительная роль: вышел за рамки своего амплуа и сыграл убийцу. Причем прошел к вам в фильм только с третьего раза.

— Паша изумился от своего образа. Когда ты работаешь с таким крутым и опытным артистом, он сам все понимает, знает, что получилось, а что — нет. При том что он вообще на пробы не ходит, к нам он приходил трижды. Артист же сначала выбирает текст, а потом режиссера. И ты не должен быть с артистом в спортивном на площадке. Нужно сотрудничать. Ладно, мы еще работали в мае на опушке в шортах спортив, а если вы в минус 37 в Перми — это больно... Поэтому мы просто пытались сделать максимально коротко. Юра Борисов — замечательный артист, наше национальное достояние. Я знаю актеров разных способностей, глубины, подхода, и Юра — удивительный человек. Без Юры, Паши, Лизы этой картины бы не было. Мы сделали ансамбль. Сделать его, собрать как мозаику, очень сложно. Потому что искра должна быть между ними, а не в каждом по отдельности.

— То есть Павел понимал, что сможет из себя достать Людоода, но не сразу?

— Он довольно долго работал над этим. Паша на самом деле добрый и теплый человек. И это позволило создать объем персонажа. Ведь за этой звериной шкуркой мы чувствуем парня, у которого жизнь могла сложиться по-другому. Людоод в какой-то степени приятельский человек. Мне не хотелось делать картонное зло, какое-то комичное. Мы даже смотрели фильм «Леон» — как Жан Рено играет. Получилась инверсия: там киллер и девочка, а у нас — мальчик и тренер. Но там гангстеры, а у нас какие гангстеры в русской деревне? Дорогу заметет, и все равно к соседу за спичками идти. Я сам из деревни и понимаю, что там открытый конфликт — это отчаянная вещь. Люди стараются все-таки в маленьких сообществах — не только в России, везде — сохранить гомеостаз. Мы такой герметичный мир и пытались создать.

— Кстати, ваши первые зрители же были как раз в Кын. Как они восприняли картину?

— Да, мы делали премьеру в Кын, и вот что я хочу сказать. Мы часто слышим фразу: «Зритель не поймет, ему надо попроще». И в этом какое-то высокомерие. Все зритель понимает! Жители Кына вышли с показа и переказали все, что я хотел сказать, да, своими словами, но очень понятно. Мне пишут сейчас: «Как ты узнал эту историю?! У нас была такая же!» Своей степенно совпадении, но так. И, повторюсь, не только у нас, в России.

— Художественным руководителем «Подельников» значится Алексей Федорченко. Какую роль он сыграл в создании фильма?

— Он помог уже на этапе монтажа, занимался драматургией. Но мир Леша не создавал. Потому что каждый режиссер должен создавать свой мир самостоятельно. Он смотрел, чтобы я не был слишком подробно и даже сделал свою версию монтажа картины. С чем-то я согласился, с чем-то — нет. Самое главное, что он снял с меня страх дебютанта перед тем, чтобы сильно менять конструкцию, показал валентность материала. Потому что когда режиссер снял и смонтировал, ему кажется, что по-другому быть не может. Оказалось, что это не так. После «Кинотавра» я сильно переосмыслил картину, вынул из нее 11 минут, потому что для проката нужна была более ритмичная версия. Кстати, помимо Леша на «Кинотавре» поговорил с Андреем Сергеевичем Качаловским, с Александром Котом, Костей Стаским. Кто-то говорил: «Жена, от этого можно смело отказаться», другие: «Нет, это обязательно нужно оставить». Целый лит комментарий получился. После чего мы собрали картину в том варианте, в котором сейчас ее видят все. Но есть еще другая версия, более тягучая. Некоторым она нравится больше.

* «Сломя голову» — рабочее название будущего игрового фильма Евгения Григорьева по сценарию Саввы Минаева. Это актуальная история о мужчинах в меняющемся мире.

** Рибейты (сидка, англ.) — возврат части затрат при производстве фильма на какой-либо территории за счет бюджета конкретного региона, если заявка съемочной группы соответствует определенным критериям. Территория при этом получает приток инвестиций, становится привлекательнее для туристов. Система рибейтов уже несколько лет успешно работает, к примеру, в Калининградской области, Краснодарском и Пермском краях.